

Глава 1. Сладкая жизнь

Собирались во дворе школы к десяти утра. Ну то есть выходить нужно было ближе к одиннадцати, однако, зная своих детей, Алина дала времени с запасом. Она говорила, что это весна влияет. Поэтому и на сборы сорок пять минут, а не как обычно.

Кто пришёл, толпились у крыльца. Листья ещё не вполне проклюнулись, и потому спрятаться от солнца было некуда — а оно сегодня припекало совершенно по-летнему. Тень лежала только под козырьком, но оттуда почему-то гонял Костик, охранник. Логика в этом не было никакой, но с Костином, это все знали, лучше не связываться. Он под конец года обычно делался злющий как цербер. Небо было густо-синим, совсем безоблачным; лёгким приятным ветерком по двору таскало пылицу и какие-то фантики; Вадя, как всегда перед девчонками, включил стендапера и кривлялся изо всех сил. Но девчонкам ничего, нравилось, они хихикали и строили Ваде глазки. И Маша. Она тоже смеялась Вадиным шуткам.

Степан отвернулся. Что они все находят в Ваде, ну скажите?

Мать заставила надеть школьный пиджак, несмотря на жару, и Степан чувствовал, как под мышками

печёт и мокнет, как струйка пота щекотно течёт между лопатками, но снять проклятый пиджак было уже нельзя, на рубашке наверняка появились влажные пятна, пока шёл. Хотя чего там идти — три остановки всего. Вечно она так... и не объяснишь, что день-то не учебный и форма никому не сдалась... Но спорить себе дороже, он давно это понял. С матерью кто поспорит, трёх дней не проживёт.

Степан опять покосился на девчонок и скачущего вокруг них Вадю.

Маша смеялась. Она смеялась и откидывала со лба прямые светлые пряди. Волосы разлетались, искрились на солнце, и сквозь них просвечивали золотые лучи. Красиво. Пышная юбочка подлетала от ветра, открывая Машины худые коленки, и Маша, ойкая, ловила её обеими руками. Вадя что-то ляпнул и сам первый заржал. Девчонки следом тоже захихикали (громче всех, ясное дело, Андогская). Маша покраснела и отошла к Алине, встала с отличничками. Йес! Степан улыбнулся и, заложив руки в карманы, тоже двинулся в сторону классной руководительницы, по дороге придумывая, чего бы такого спросить, чтобы задержаться в этой компании подольше, но и репутацию не испортить.

Уже почти все собрались, и Алина стояла наготове, держась обеими руками за руль самоката. Она была пухленькая, маленькая, ниже почти всех девчонок в классе, со смешной растрёпанной стрижкой, улыбчивая, и сейчас её запросто можно было принять не за учительницу, а за ученицу. Алину в классе

все любили: она была *нормальная* и никогда не наезжала не по делу, — но мать, конечно, говорила про Алину «свистушка» и кривила губы. А когда Степан обмолвился, что Алина не просто училка, а кандидат математических наук, мать вообще почему-то впала в ярость и до вечера распиналась про «молодых да ранних» выскочек, которые неизвестно ещё где и как добыли свои дипломы и степени. Впрочем, мать почти всегда была чем-то недовольна, Степан давно привык и старался не обращать внимания. Ну её.

Степан подходил всё ближе, а проклятый вопрос не придумывался. Вот уже он присоединился к группе, обступившей Алину, вот как бы ненарочно встал поближе к Маше... ну же! Надо было срочно что-то сказать! Но что?!

— Нам попробовать хоть разрешат? — ляпнул он, глядя на классную руководительницу.

Все отличнички (и с ними, о ужас, Маша) дружно зафыркали. «Глазова потянуло на сладенькое!» — прошелестело где-то сбоку, но он не понял, кто это сказал. Дело было совсем дрянь: он прямо чувствовал, как начинают гореть щёки.

— Конечно, — отозвалась Алина без тени улыбки. — Вы только много не ешьте, а то чесаться начнёте у меня, что я родителям скажу?

Смех усилился. Хотя, между прочим, аллергия на сладкое — это ни разу не смешно. У Степана в детстве была, уж он-то знает.

— А купить что-то можно будет? Шоколад какой-нибудь? Или конфеты? Я обещала маме, братику, — спросила Маша, и смех наконец-то затух. Нормальный вопрос, деловой. Эх...

Алина в очередной раз стала объяснять про экскурсию, и как всё будет проходить, и как себя вести, и всё вот это. Степан с благодарностью посмотрел на Машу. Та улыбнулась уголком рта и отвела глаза — и опять он почувствовал, как вся краска бросается ему в лицо. Вот чёрт!

— Ну и жарко сегодня, — пробормотал он, обмахиваясь ладонью, и отступил.

В калитке нарисовались Михайлова и её мамаша — родительский комитет, как обычно они пришли последними, и тут же уровень громкости происходящего повысился вдвое.

Мамаша Михайловой отвела Алину в сторону, зашептала о чём-то, делая страшные глаза. Алина окинула взглядом школьный двор, пересчитывая по головам, все ли на месте, крикнула громко:

— У всех есть разрешения от родителей на обратную дорогу?

Степан с досадой вспомнил, что опять не взял у матери проклятую бумажку и придётся после экскурсии по жаре тащиться с Алиной от метро до школы и лишь оттуда домой. Но ведь помнил вечером! И утром, когда собирался, тоже помнил. А потом раз — и будто память отключили, как свет вырубili.

Наконец все толпой двинулись на выход. Вадя, пропустив вперёд Алину, растопырился в калитке,

не давая никому пройти и требуя выкуп. Не успокоился, пока мамаша Михайловой на него не рывкнула. Оба в своём репертуаре.

Идти было всего ничего: сразу за переходом начинался парк, маленький, минут пять по аллейке — и вот уже метро. Через парк со всех соседних улиц все и всегда сами ходили из школы и обратно, даже началка. Но почему-то, когда экскурсии, тут можно было идти только толпой и с сопровождающими. Чуть ли не парами. Раньше Степана это бесило. Класе в пятом. Теперь же он повзрослел и не обращал внимания — надо так надо. Это для взрослых. Они ответственность несут и всё такое... говорят, их даже посадить могут, если вдруг что случится. Врут небось, как всегда, ну да ладно. Пусть развлекаются.

Но это Степан так думал. А Вадя всю дорогу разглагольствовал на тему «Что мы, маленькие?!» и «Могли бы сами прекрасно добраться куда нужно». Вадя был здоровый, выше Степана на полголовы, а вёл себя как ошалелый первоклассник. Возмущаться-то он возмущался, а сам всё к Маше подбирался — то с одного бока подкатит, то с другого, то вперёд забежит и руками размахивает. А Маша идёт с Андогской, и они радуются Вадиным тупым шуточкам. Степану это отлично видно и слышно, хоть он и отстал ото всех и за спиной только мамаша Михайловой — трещит по мобильному, речь состоит из сплошных восклицаний. Так тоже положено, чтобы взрослый последним шёл. А то мало ли: вдруг кто отстанет или плохо кому. «Мне бы их проблемы», — думал Степан с тоской,

сверля глазами Машин затылок. Нет бы Ваде сегодня заболеть или уехать!

Вадя меж тем:

а) едва не попал под велосипед. А потому что не надо вылезать на велодорогу! Хорошо ещё, мужик с нормальной реакцией попался и на газон свернул в последнюю секунду (девчонки, естественно, орали в ужасе);

б) обляял в ответ мелкого йорка с розовой лентой в чёлке, который, сбежав от хозяйки, тьявкал на их колонну и наскакивал (девчонки опять орали в ужасе, хотя чего такого ужасного в наскакивающем йорке — непонятно);

в) наступил на собственный развязанный шнурок и лишь чудом удержался, заодно едва не покалечив Андогскую, на которую стал заваливаться (девчонки, естественно, опять орали; девчонок хлебом не корми, дай ужаснуться лишний раз).

Девчонки ужасались, Вадя смеялся на весь парк... И как же этот смех бесил Степана! И ещё был какой-то странный звук, раздражающий — он раздавался всю дорогу, пока шли по аллее гурьбой, и делался всё громче. Степан никак не мог понять, что это за скрип — резкий, равномерный, унылый. Но вот плавным полукругом обогнули разросшийся здесь кустарник и вышли к детской площадке. Только тогда стало понятно, что́ это: на ярко выкрашенных качелях молодая женщина раскачивала нарядных двойняшек лет пяти. И было странно сочетание мерзкого скрипа и детских довольных мордочек.

Так и прошли весь парк — впереди маленькая Али-на на красном самокате, за ней нестройной цепочкой её великовозрастные подопечные: впереди отличнички, в середине сладкая троица с кривляющимся Вадей, а в хвосте мрачный Степан и запыхавшаяся от быстрой ходьбы и болтовни мамаша Михайловой.

И наконец спустились в метро.

Ехать до фабрики было всего несколько станций по прямой, но и тут Вадя, когда все уминались в полный вагон, умудрился едва не потеряться, удивительная всё-таки личность! Зато Маша оказалась совсем близко к Степану, и, когда поезд дёргался, они случайно касались друг друга. Степану от этого становилось и жарко, и радостно, и немного жутко... но хорошо: ехал бы и ехал вот так, зачем ещё какие-то экскурсии? Что они, маленькие, смотреть, как конфетки делают? Обернуться и прямо глянуть на Машу не хватало смелости, и потому он, судорожно вцепившись в поручень, пялился на её отражение в стекле. Там, в отражении, они сейчас стояли так близко друг к другу, будто они — вместе. Степан представил, что они едут не на экскурсию с классом, а куда-нибудь вдвоём... Да куда угодно! В кино, в театр или просто побродить по центру... Поезд резко качнулся и стал тормозить со свистом, Машу швырнуло прямо на Степана, так что оба они чуть не полетели, но он вовремя вернул равновесие и подхватил падающую одноклассницу, придержал за талию и почувствовал, как Маша невольно к нему прижалась — на жалкую секунду, так до обидного мало!

— Вадим! — послышался резкий окрик Алины. — Сколько можно?! Лоб здоровый!

— А чё я-то?! — пробасил в ответ неугомонный Вадя.

— Да ничо! — передразнила Алина. — Сейчас пока-тишься, полвагона передавишь. Держись давай!

— Ты мне все ноги оттоптал уже! — пищала Андогская, с досадой пытаясь рассмотреть свои белые кедки. *Бывшие* белые.

— Спасибо, — пробормотала Маша, смущённо отстраняясь. Померещилось или она правда покраснела?

Сердце у Степана колотилось как ненормальное, и казалось, будто он до сих пор чувствует Машу около себя.

Поезд остановился, и класс стал шумно вываливаться из вагона, создав ужасную толкучку в дверях. Машу оттеснили, и Степан оказался рядом с другими пацанами.

Он плохо запомнил, как добрались до фабрики.

Их всей толпой завели в какую-то комнату с плазмой во всю стенку, рассадили и велели ждать. Вадя гоготал и пулялся в девчонок бумажками, Алина тщетно старалась его утихомирить — пока ещё похорошему. Дальше явилась дородная тётка в белом халате и растерянно остановилась перед ними. Пробормотала:

— Ой! А вы совсем взрослые... обычно к нам четвёртые, пятые классы едут...

В её сторону полетела Вади́на бумажка, тюкнулась о халат и скользнула под ноги.

— Видите, волноваться не о чем, — холодно отчеканила Алина, испепеляя Вадю взглядом. — Мы обязуемся вести себя как пятиклассники. Или младше. Правда, Вадим?

— А чё я-то всё время? — Тот соорудил невинное лицо.

Дальше было всякое бла-бла-бла про санитарные нормы и запрет на съёмку, но Степан всё это слушал вполуха: он как загипнотизированный глядел на Машины худые коленки, а в лицо посмотреть не смел. Кажется, сказали что-то про красную черту, за которую нельзя заступать, и чтобы не жрали с конвейера.

Пацаны и часть девчонок громко возмущались, сдавая телефоны и айпадики Алине: в самом деле, что это за бред, если ни записать нельзя, ни даже сфотать. А селфи? «Сами дураки. Ещё бы в зоопарк попросились», — подумал Степан. Он, когда выбирали экскурсию, голосовал за планетарий. Но кондитерская фабрика победила большинством голосов (неудивительно, девчонок в классе было почти вдвое больше; и дались им эти конфеты, они же за фигурой следят). Всем велели надеть полиэтиленовые перчатки, бахилы и халаты, а волосы убрать под шапочки вроде купальных — такие в гостинице выдают, чтобы в душе голова не намокла. Тут девчонки слегка побастовали: причёску портить никому охоты не было.

Маше очень шла шапочка. Нежно-голубая вокруг тонкого, чётко очерченного лица, она делала его